

---

## ЧЕШСКОЕ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОЕ КОЙНЕ VS РУССКОЕ ПРОСТОРЕЧЬЕ

А.И. Изотов

Кафедра славянской филологии  
Филологический факультет

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова  
*Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус, Москва, Россия, 119991*

В статье рассматривается феномен сложившегося на базе собственно-чешских диалектов обиходно-разговорного койне в его отношении к литературному чешскому языку и к русскому просторечью.

**Ключевые слова:** чешский язык, языковая ситуация, диглоссия, литературный язык, обиходно-разговорный язык, койне, просторечье, суржик, трасянка.

По образному выражению известных чешских лингвистов Петра Сгалла и Иржи Гронека, «у литературного чешского языка нет естественных носителей» (*spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí* [1. С. 26]).

Различия между кодифицированным литературным чешским языком (*spisovná čeština*) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (*obecná čeština*) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках.

Чешский дошкольник знакомится естественным путем (т.е. через бытовое общение) с обиходно-разговорным койне либо диалектом (интердиалектом), а затем идет в школу и начинает там зубрить парадигмы «родного» литературного языка.

В результате речь современного чеха представляет, как правило, непростую комбинацию элементов литературного языка и обиходно-разговорного койне, причем доля того или другого зависит от таких факторов, как ситуация общения, возраст, образование, социальный статус говорящего и/или собеседника, степень их знакомства и т.д.

Употребляющий литературных элементов больше, чем требуется в данной конкретной ситуации, рискует прослыть снобом, меньше — невежей, при этом «переключение кодов» происходит автоматически и незаметно для самого носителя языка.

Сложившаяся ситуация близка к традиционно определяемой диглоссии в понимании Ч. Фергюсона, когда две языковые системы («высокая» и «низкая») оказываются в состоянии дополнительной дистрибуции, см. [2].

Тому, в какой степени термин «диглоссия» применим к чешской языковой ситуации, посвящена, в частности, большая статья ведущего британского богемиста Н. Бермеля [3].

В некотором смысле положение обиходно-разговорного чешского койне в отношении к литературному чешскому языку оказывается близко положению

современного суржика в его отношении к литературному украинскому языку или трасянки в ее отношении к белорусскому, ср. [4].

Истоки данного положения вещей следует искать, по нашему мнению, в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние несколько столетий.

В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из центрально-европейской сверхдержавы к XVIII в. фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка — сфер науки, литературы, повседневного общения значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 г. Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами — немцами, венграми, украинцами и т.д.), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и «чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство, см. [5].

Даже в сельской местности на рубеже XVIII—XIX вв. целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык служанок» (*Dienerinnensprache*).

Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас, если бы не взлет патриотических настроений в конце XVIII — первой половине XIX в. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробную грамматику богемского языка» [6], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь, в который смело включает, богемизировав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского.

Однако Й. Добровский, составляя свою «Подробную грамматику...», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода — периода расцвета чешской литературы в XVI — начале XVII столетий. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия, ср. последующие страницы, на которых эти основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности чешского обиходно-разговорного койне иллюстрируются нами примерами из популярного мультипликационного сериала о Махе и Шебестовой и сопровождаются литературными соответствиями.

Отметим, что отсутствие в чешском языке редукции безударных гласных делает противопоставление литературных и обиходно-разговорных огласовок особенно выразительным, не позволяя воспринимать нелитературную форму просто как результат небрежного выговора.

### Фонетические особенности

1. Употребление [ī] (графически *ý*) в соответствии с литературным [ē] (графически *é*):

<i>об.-разг. разговорная огласовка</i>	<i>литературная огласовка</i>
Je to jasný?	Je to jasné?
bezvadný sluchátko	bezvadné sluchátko

2. Употребление дифтонга [ei] (графически *ej*) в соответствии с литературным [ī] (графически *ý* или *í*):

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
bejt	být
novejch	nových
cejtit	cítit

3. Употребление протетического [v] перед начальным [o]:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
von, vona, voni	on, ona, oni
vobučejněj	obučejný

4. Упрощение групп согласных, результаты ассимилятивных и диссимилятивных процессов, изменения количества гласных, произносительные особенности некоторых слов (прежде всего заимствованных):

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
dyť	vždyť
štyry	čtyři
pudu	půjdu

### Морфологические особенности

1. Целый ряд морфологических особенностей обиходно-разговорного чешского языка является прямым следствием особенностей фонетических (вспомним литературные словоизменительные парадигмы, содержащие долгие гласные [ē] и [ī]):

	<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
Именительный падеж ед. числа	malej	malý
Родительный падеж ед. числа	malýho	malého
Дательный падеж ед. числа	malýmu	malému
и т.д.		

2. Унифицированное окончание -ý в форме Им. пад. мн. ч. прилагательных в соответствии с тремя дифференцированными по роду и одушевленности окончаниями в литературном языке:

<i>об.-разг.</i>		<i>лит.</i>
malý, dobrý	$\left\{ \begin{array}{l} \text{muži} \\ \text{ženy, stromy} \\ \text{okna} \end{array} \right.$	malí, dobří muži malé, dobré ženy, stromy malá, dobrá okna

3. Унифицированное окончание **-ma (-ema, -ama)** в Тв. пад. мн. ч. существительных и местоимений:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
<b>nama</b>	<b>namí</b>
<b>ženama</b>	<b>ženami</b>
<b>zajícema</b>	<b>zajíci</b>

4. Использование формы именительного падежа вместо звательного:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
pane <b>Huml!</b>	pane <b>Humle!</b>

5. Унифицированное окончание **-aj (-ej)** в презентно-футуральных формах 3 л. мн. числа индикатива глаголов типа *dělat, muset, prosit*:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
<b>dělaj</b>	<b>dělají</b>
<b>musej</b>	<b>musejí</b>
<b>prosej</b>	<b>prosí</b>

6. Усеченное окончание презентно-футуральной формы 1 л. мн. числа индикатива глаголов, у которых не возникает омонимии с формой 1 л. ед. числа:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
<b>půjdem</b>	<b>půjdeme</b>
<b>nebudem</b>	<b>nebudeme</b>

7. Опущение конечного **-l** в положении после согласного в l-формах:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
utek	utekl
neřek	neřekl
proved	provedl

8. Употребление форм **bysme (abysme, kdybysme)** в соответствии с литературными **bychom (abychom, kdybychom)**:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
my <b>bysme</b> potřebovali	potřebovali <b>bychom</b>

9. Употребление формы **seš (jseš)** в соответствии с литературной формой **jsi**:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
<b>Seš</b> zdrav jako ryba!	<b>Jsi</b> zdrav jako ryba!
Takže ty <b>jseš</b> vlastně pravý policejní pes	Takže ty <b>jsi</b> vlastně pravý policejní pes

10. Тенденция к унифицированию окончания **-i** в формах Им. пад. мн. числа существительных:

<i>об.-разг.</i>	<i>лит.</i>
<b>muži, lidi, turisté, Češi</b>	<b>muži</b>
	<b>lidé, turisté</b>
	<b>Čechové</b>

Следует также отметить ряд глагольных форм, длительное время рассматривавшихся в качестве обиходно-разговорных, однако в последнее время включаемых в число литературных. Встроенная в чешскую версию MS Word'a проверка орфографии допускает еще недавно считавшиеся разговорными формы *můžu* 'я могу' и *můžou* 'они могут' наряду с книжными формами *možu* и *mohou*, а также формы инфинитивов типа *mocť* 'мочь', *péct* 'печь', *říct* 'сказать' наряду с формами типа *moci*, *péci*, *říci*. Впрочем, эта же проверка все еще маркирует в качестве «неправильных» презентно-футуральные индикативные формы 1 лица ед. числа типа *studuju* и формы 3 лица мн. числа типа *studujou*, давно уже включаемых в учебники чешского языка для иностранцев наряду с книжными формами типа *studuji* и *studují* или даже вместо (!) них, ср. [7. С. 15].

### Синтаксические особенности

1. Образование 1 л. ед. числа прошедшего времени индикатива по модели *já + l-форма* в соответствии с литературной моделью *l-форма + jsem*:

*об.-разг.*

**Já** *myslela*, že utekl za váma.

**Já** kvůli němu **dostal** pětku.

**Já** to **slyšel** na vlastní uši.

*лит.*

**Myslela jsem**, že utekl za vámi.

**Dostal jsem** kvůli němu pětku.

**Slyšel jsem** to na vlastní uši.

2. Дублирование подлежащего личным местоимением:

*об.-разг.*

**On** tady není **Jonatán**?

**On** to je náš kamarád **Jonatán**.

*лит.*

Není tady **Jonatán**?

To je náš kamarád **Jonatán**.

3. Употребление указательных местоимений **ten**, **ta**, **to** в экспрессивной функции:

Chudinka malej! **Ta** Kadrnožková ho už zase zamkla.

**Ta** soudružka učitelka se s **tím** zkoušením moc nemazlí.

4. Значительно более активное, чем в литературном языке, употребление личных местоимений:

Šebestová, **já** mám nápad!

**Já** říkám: Poslouchej, co to má znamenat?

**Já** mám takovej pocit, že to dopadne všelijak.

5. Нехарактерное для литературного чешского языка употребление некоторых союзов и союзных слов:

Pluli kolem mě ti lidé, **co** lítají s tou postelí.

A **jak tak** vybírali ten nejvhodnější automobil, ani si nevšimli spolužáků.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем этот живой язык, ср. материалы конференции в Оломоуце [8].

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. Во-первых, «живой чешский язык» — абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (*obecná čeština*), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин *obecná čeština* ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А.Г. Широкова [9]) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, *obecná moravština* — обиходно-разговорное моравское койне или *obecná laština* — обиходно-разговорное силезское койне).

Но даже если мы решимся игнорировать мораван и силезцев, мы все равно никуда не уйдем от того обстоятельства, что *obecná čeština* — не язык в собственном смысле этого слова. Это, скорее, набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка, причем речь идет об элементах разной степени употребительности. Например, существующая в соответствии с литературной формой *bychom* обиходно-разговорная форма *bysme*, используемая при образовании кондиционалиса 1 лица мн. числа (*Šli bychom tam* (лит.) / *Šli bysme tam* (об.-р.) ‘Мы бы пошли туда’) достаточно обычна, а вот обиходно-разговорная форма *bysem*, существующая параллельно литературной форме *bych* и используемая при образовании того же кондиционалиса 1 лица, но уже единственного числа (*Šel bych tam* (лит.) / *Šel bysem tam* (об.-р.) ‘Я бы пошел туда’), встречается крайне нерегулярно.

В электронном корпусе современных чешских письменных художественных, публицистических и специальных текстов SYNEK (11 959 431 токен) представлено 67 примеров употребления формы *bysme* в соответствии с 1873 примерами употребления формы *bychom* и 10 примеров употребления формы *bysem* в соответствии с 5548 примерами употребления формы *bych*. Иначе говоря, если в случае в парой *bysme—bychom* речь идет о соотношении один к 28, то в случае с парой *bysem—bych* — о соотношении один к 555. Так какие же обиходно-разговорные формы мы будем кодифицировать вместо существующих литературных, а какие нет?

Обращение к материалам электронных корпусов действительно может явиться веским аргументом при оценке явления, взгляды на которое ранее основывались во многом на интуиции исследователя, ср. [10; 11].

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX в. (мировые войны; преобладание городского населения над сельским; массовая коммуникация) нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» двести лет назад, когда чешские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)?

Кроме того, Й. Добровский в общем-то и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка

искусства и научного стиля» [12. С. 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (читателю немецкоязычному, ведь грамматика написана на немецком!) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX в.) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы... во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Там же. С. 37]. Мы полагаем, что такое полувековое «запаздывание» связано с особенностями земского патриотизма многих тогдашних обитателей Чехии, которые очень долго предпочитали считать себя в первую очередь не чехами или немцами, а «богемцами», ср. [13. С. 15—18].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» — «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства, поэтому мы настаиваем на необходимости последовательной фиксации чешской обиходно-разговорной лексики в качестве таковой не только в академических, но и в учебных двуязычных словарях, ср. [14; 15].

Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности».

Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х гг. о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искушены в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s. r. o, выпустившая сериал в 2008 г. на пятнадцати DVD в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (*spisovná čeština*). Как много теряет фильм при «переводе» на литературный чешский язык, в данном случае буквально видно невооруженным глазом.

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами, + немецкий).

В русском переводе П. Богатырева «степень макароничности» понижается за счет исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» — «обиходно-разговорное койне» (однако кое-где сохранены немецкие вкрапления, хотя в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» — в разной степени исковерканности, ср. *kvér* < *Gewähr*, *frajtr* < *Gefreute* и т.д.).

При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, местами довольно сомнительный. Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую.

Отметим, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор немцев из Чехии, Моравии, Словакии — *Böhmakeln* (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакароническим текстом перевода), см. [16].

Перспективы развития языковой ситуации в Чехии можно видеть в постепенном сближении чешского литературного языка и обиходно-разговорного койне. Литературный чешский язык (*spisovná čeština*) постепенно демократизируется, избавляясь от одних элементов и обзаводясь другими. Обиходно-разговорные формы сначала проникают в литературный язык на правах дублетов, а затем могут стать основными (или даже единственными) вариантами, ср. формы типа *píši* > *píši/píšu* > *píšu*. Главное, этот процесс должен быть естественным и независимым от конъюнктурной риторики, ср. эмоциональную дискуссию на страницах ведущего чешского лингвистического журнала *Slovo a Slovesnost* в 2005—2006 гг. в [17—20].

Типологически сближаясь с русским просторечьем по своей функциональной роли обслуживающей устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации форму существования этнического языка [21. С. 402], чешское обиходно-разговорное койне в то же время отчетливо ему противопоставляется. В отличие от обиходно-разговорного чешского койне, русское просторечье **не** вступает с литературным языком в отношение диглоссии. И если Г.В. Лудольф когда-то отмечал, что русские пишут на одном языке, а говорят на другом, то нынешний «взгляд извне» замечает лишь литературную норму, возможные отступления от которой расцениваются однозначно негативно — как отсутствие речевой культуры [22].

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras.* — Praha, 1992.
- [2] *Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / Ed. P.P. Giglioli.* — London: Penguin, 1972. — P. 232—251.
- [3] *Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost, 71.* — Praha, 2010. — № 1. — S. 5—30.
- [4] *Kaluža И.В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность.* — Ústí nad Labem: PF UJEP, 2010.
- [5] *Obrátil K.J. Čítanka Dr. Edv. Beneše.* — Brno: O. Sobek, 1936.
- [6] *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky.* — Prag, 1809.
- [7] *Cvejnová J. Česky, prosím I. Učebnice češtiny pro cizince.* — Praha: Nakladatelství Karolinum, 2008.
- [8] *Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23—27.8.1993.* — Praha, 1995.
- [9] *Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. Вып. 1.* — М., 2003. — С. 46—69.
- [10] *Изотов А.И. Опыт корпусного анализа функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.* — 2007. — № 3. — С. 47—63.

- [11] *Изотов А.И.* Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007. — № 2. — С. 4—11.
- [12] *Petr J.* Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. — Praha, 1989. — S. 5—38.
- [13] *Веверкова К.* Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790—1869) в водвороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // Правовая держава. Вып. 14. — Одесса: Астропринт, 2012. — С. 12—18.
- [14] *Изотов А.И.* Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. — М.: Дрофа, 2012.
- [15] *Изотов А.И.* Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. — М.: Филоматис, 2012.
- [16] *Torberg F.* Anhang: Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). — München: Verlag Langen Müller, 2008. — S. 615—620.
- [17] *Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P.* Od školské spisovnosti ke standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. — Praha, 2005. — № 2. — S. 103—115.
- [18] *Kořenský J.* K článku Od školské spisovnosti ke standardní češtině: reakce na výzvu k diskusi // Slovo a Slovesnost, 66. — Praha, 2005. — № 4. — S. 270—277.
- [19] *Oliva K.* Požadavky na úroveň diskuse o spisovné/standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. — Praha, 2005. — № 4. — S. 278—290.
- [20] *Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P.* K diskusi o standardní a “spisovné” češtině // Slovo a Slovesnost, 67. — Praha, 2006. — № 4. — S. 267—282.
- [21] *Бельчиков Ю.А.* Просторечье // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 402.
- [22] *Просвиркина И.И., Левина Е.Н.* Устная речь оренбуржцев в оценке мигрантов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 11 (130). — С. 62—66.

## COMMON CZECH VS COLLOQUIAL RUSSIAN

**A.I. Izotov**

Department of Slavic Philology  
Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University  
*Leninskie Gory, 1 Humanities Building, Moscow, Russia, 119192*

In this paper, a phenomenon of Common Czech in respect to Standard Czech is regarded. Main features of Common Czech are described. Linguistic situation in Czech Republic is compared to the classical diglossia situation.

**Key words:** Common Czech, Standard Czech, diglossia, code-switching, register, Surzhyk, Trasianka.